

ВИКТОРИЯ ТРУБИЦЫНА

Новокузнецк (Россия)

Кузбасская государственная педагогическая академия

Кафедра русского языка и литературы

**ГОРИЗОНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО
ТЕКСТА В ФОЛЬКЛОРНЫХ ВАРИАНТАХ:
УМИРАЮЩИЙ В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО**

Василий Иванович Немирович-Данченко¹ (1848–1936) – русский писатель, очеркист, журналист, автор путевых очерков об отдаленных краях России, странах Европы и фронтовых репортажей с четырех войн. Традиционно относится к писателям демократической волны, начавшим свою литературную деятельность в 1877 г. и получившим высокую оценку своих произведений И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым. Выезд в Берлин в 1922 г. для работы в архивах и дальнейшая миграция стали причиной долгого забвения писателя на родине. Но одно из стихотворений В. И. Немировича-Данченко стало жить самостоятельной жизнью в народной среде и получило статус народной песни:

Отворите окно... Отворите!..
Мне недолго осталось жить;
Хоть теперь на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить!
Горлом кровь показалась... Весною
Хорошо на родимых полях –
Будет небо сиять надо мною,
И потонет могила в цветах.
Сбросьте цепи мои... Из темницы
Выносите на свет, на простор...
Как поют перелетные птицы,
Как шумит зеленеющий бор!
Выше, выше смолистые сосны,
Всё растет под сиянием дня...
Только цепи мне эти несносны...
Не душийте, не мучьте меня!..
То не песня ль вдали прозвенела,
Что певала родимая мать?
Холодеет усталое тело,
Гаснет взор, мне недолго страдать!
Позабудьте меня... Схороните...
Я прощу вас в могиле своей...
Отворите ж окно... Отворите,
Сбросьте цепи мои поскорей!..²

¹ Старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

² *Стихотворения В. И. Немировича-Данченко*, Санкт-Петербург 1882, с. 87–88.

Умиравший (1882)³ продолжает серию стихотворений поэта о неволе: *Узники* (1866), *Он на цепи в глуши темницы* (1879), *Вольтер в Бастилии* (1882). Но прежде всего, включается в литературную традицию русской тюремной песни, получившей глубокую художественно-эстетическую разработку в романтической лирике поэтов-декабристов и продолженную в демократической поэзии XIX – начала XX века.

Первая строка текста «Отворите окно, отворите...» вызывает неизменную ассоциацию со стихотворением М. Ю. Лермонтова *Отворите мне темницу*, судьба которого отразила усилившиеся в середине XIX века тенденции взаимодействия литературы и фольклора в культуре России. Как известно, первая ранняя редакция стихотворения Лермонтова под названием *Желанье* (1832) была помещена в качестве автографа в личном альбоме А. М. Верещагиной и осталась, по сути, фактом салонной поэзии, почти неизвестным широкой публике. Мотив желанной свободы, ведущий в этой редакции, разворачивается в характерных для романтической поэтики картинах *сиянья дня*, *вольной скачки с черноглазой девицей на черногривом коне по синю полю*, *буйной удали одинокого пловца в борьбе с пучиной моря*, *райского покоя и роскоши высокого дворца, зеленого сада* и т.п. Вторая редакция стихотворения под заглавием *Узник*, опубликованная в *Одесском альманахе на 1840 год*, обозначила, по словам И. Б. Роднянской, «резкий перелом в лирическом творчестве Лермонтова. Мотив неволи, отчасти утратившей абстрактную широту и философичность («образованности цепи и вериги бытия»), превращается в житейски-общезначимую «арестантскую» тему. Переживание тюремной тоски выводится за пределы уединенной душевной жизни героической индивидуальности и включено в атмосферу парадно-бытовой вольницы»⁴. В *Узнике* главным мотивом становится не столько желание воли, сколько столкновение мечты и реальности, что нашло выражение в перемене названия текста. При этом картина желанной воли ограничена коротким свиданием с *красавицей* и скачкой на коне по степным просторам, а реальность представлена в безотрадной картине одиночного заключения арестанта в *голых стенах при умирающем огне тусклой лампы*. Более очевидна в новой редакции стилизация под народные песни (повторы, постоянные эпитеты: *добрый конь, зеленое поле*, вместо «высокого дворца» – «*пышный терем*») и, в частности, под «тюремные». Как справедливо отмечает А. Н. Лозанова, «общими местами содержания тюремных песен» являются описание «мрачной тюремной обстановки, изображение душевных переживаний молодца, его тоски по воле»⁵. Народно-песенная стилизация стихотворения, усиленная переложением на музыку А. В. Богатыревым и П. П. Булаховым, стала условием фольклоризации литературного текста.

³ В 1900 г. возникла песенная редакция этого стихотворения М. И. Ожегова под названием *Птичка-невольница*, которое имеет свои фольклорные варианты.

⁴ И. Б. Роднянская, *Узник*, [в:] *Лермонтовская энциклопедия*, гл. ред. В. А. Мануйлов, Москва 1981, с. 389.

⁵ А. Н. Лозанова, *Тюремные песни*, [в:] *Русское народное поэтическое творчество*, том II, книга 1, *Очерки по истории русского поэтического творчества середины XVIII – первой половины XIX века*, Москва-Ленинград 1955, с. 435.

Отзвуками лермонтовского *Узника* в стихотворении В. И. Немировича-Данченко, кроме прямых реминисценций (*отворите...», сияние дня...», степи – поля, умирающий огонь – умирающий узник*), являются общая модальность мольбы, жалобы, антитезы *темницы – света, тесноты – простора* и пр., черты сентиментально-романсной эстетики (*сладкий поцелуй, пышный терем, добрый конь, тишина ночная* – у Лермонтова; *любовь и страдания, родимые поля, могила в цветах* – у Немировича-Данченко).

В то же время, «тюремный цикл» М. Ю. Лермонтова, в который входят *Желанье* и *Узник*, сохраняет высокий модус литературной традиции романтизма, тогда как «тюремное» стихотворение В. И. Немировича-Данченко принадлежит низовой эстетике массовой демократической культуры, в рамках которой осуществляется семантическая перекодировка основных элементов жанра. Прежде всего подвергается дегероизации лирический субъект: романтического узника – молодца, исполненного жажды жизни, сильных страстей и желаний, – сменяет физически сломленный в неволе человек, решившийся на кроткий протест («Не мешайте страдать и любить»), на мольбу о свободе («На свободу пустите...», «Сбросьте цепи мои...») лишь в ситуации полной и окончательной безнадежности («Мне недолго осталось жить...»). Вместо отвлеченного романтического пейзажа (вольная степь, пучина моря, зеленый сад) – в стихотворении В. И. Немировича-Данченко – хранимые в памяти узника родные места, куда стремится его душа (родимые поля, сосновый бор, песня родимой матери). Физические муки («Горлом кровь показалась...», «Холодеет усталое тело»), душевные страдания, мечта о покое могилы, утопающей в цветах, создают мелодраматический пафос, сводят тюремную романтику в жанровый модус народной «жалобной» песни.

Между тем, в советских сборниках русских народных песен фольклорный вариант *Умирающего* В. И. Немировича-Данченко помещен в раздел «Революционные и рабочие песни XIX – начала XX века»⁶ в ряду таких песен как *Вы жертвою пали* (конец 1870-х, неизвестный автор), *Замучен тяжелой неволей* (Г. А. Мачтет, 1876), *Идет он, усталый* (по стихотворению А. Архангельского *В дороге*, 1878) и др. Данный контекст задает гражданский код интерпретации «жалобного» стихотворения, жертвенно-страдательный пафос которого как будто отражает, подобно другим текстам этого ряда, кризис революционного движения в конце 1870–80-х годов, вызванный разгромом народнического движения и ужесточением реакционной политики Александра II Николаевича. Текст В. И. Немировича-Данченко сближает с ними и «рыдающий» анапест стихотворного ритма, сменивший народный четырехстопный хорей тюремных песен, и изображение физических мучений узника, смертельного исхода. Но, в сравнении с названными революционными песнями, собственно политическая, гражданская мотивация судьбы лирического героя в *Умирающем* никак не проявлена. Его душевный порыв традиционно носит интимно-личностный ха-

⁶ *Русские народные песни*, вступ. ст., составление и примечания А. М. Новиковой, Москва 1957, с. 488–489.

ракт, выражающийся в тоске по «малой» родине, родимой матери, в надежде обретения свободы и покоя через слияние с природой (небо, поля, цветы, птицы, смолистые сосны) и растворение в ней («потонет могила в цветах»). В противоположность характерному для революционных песен мотиву памяти о жертве тяжелой неволи, хранимой товарищами, чем определяется высокая ценность страданий и гибели героя, в стихотворении В. И. Немировича-Данченко умирающий узник молит: «Позабудьте меня... схороните... / Я прощу вас в могиле своей...», что ведет к редукции трагизма лирической ситуации, усиливая ее «жалобный» модус.

Эта модальность, как и просторечная лексика, разговорный синтаксис, народно-поэтические клише и пр., обусловили активную фольклоризацию текста, а зоны семантической неопределенности в разработке образа лирического героя и лирической ситуации обусловили, в свою очередь, повышенную вариативность литературного текста в фольклоре и, соответственно, расширение поля его реинтерпретации.

У нас есть возможность проследить направления рецепции и варьирования *Умирающего* В. И. Немировича-Данченко в фольклорной среде на материале записей песен жителей Кемеровской области. Население Кузбасса, крупнейшего угольного бассейна России, составляют в основном поколения переселенцев и ссыльных из центральной части России, Украины, откуда и была привезена песня об умирающем узнике. Записи четырех ее фольклорных вариантов были сделаны в конце XX – начале XXI веков, то есть почти через сто лет после создания литературного текста.

Общим для всех вариантов является значительное сокращение объема стихотворения В. И. Немировича-Данченко. Собственно, опознавательным инвариантом последнего является его первое четверостишие, занимающее место зачина и в большинстве вариантов. Одним из приемов варьирования является контаминация литературного текста с двумя первыми куплетами народной разбойничьей песни *Любовь разбойника*, известной по первой строке «Полюбил всей душой я девицу», развертывающей на всем пространстве варианта едва намеченный любовный мотив стихотворения В. И. Немировича-Данченко: «Не мешайте страдать и любить». В песне, записанной от Е. С. Ратниковой (1923 г.р., образование 7 классов) в деревне Пьяново Промышленновского района в 1987 г., после указанной строки следует рассказ лирического героя о своей любви:

Полюбил я ее всей душою
И хочу за ее душу отдать,
Бирюзой разукрашу светлицу,
Золотую поставлю кровать.
На кровать я – лебяжью перину
И ковер с раздушистым цветком,
Разодену ее как картину,
И отдам это все за любовь⁷.

⁷ Здесь и далее цитируются тексты фольклорного архива факультета русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк Кемеровской области).

Концовка песни, возвращающая лирическую исповедь героя из области мечтаний в реальность – «Не цветет в том саду сад зеленый, / Не поет в том саду соловей» – неожиданно актуализирует содержание претекстов произведения В. И. Немировича-Данченко – двух редакций лермонтовского стихотворения: *Желанье* – с его картиной роскошного дворца и зеленого сада – и *Узник* – с его конфликтом мечты о черноокой в пышном тереме и реальности застенка.

Та же контаминантная конструкция в варианте информанта Т. Б. Борисовой (1922 г.р., образование 5 классов), записанном в селе Бурлаки Прокопьевского района в 2004 г. В нем «чужая» часть сокращена до одного куплета. Кроме того, первое четверостишие авторского текста перемещается на вторую позицию, уступая место зачина вольном перифразе второго четверостишия стихотворения В. И. Немировича-Данченко:

Авторский текст	Фольклорный вариант
Отворите окно... отворите! Мне недолго осталось жить; Хоть теперь на свободу пустите, Не мешайте страдать и любить! Горлом кровь показалась... Весною Хорошо на родимых полях, – Будет небо сиять надо мною И потонет могила в цветах.	Дождь слезою прошёл На родимых полях Будет солнце сиять надо мной, И могила потонет в слезах Отворите окно, отворите Мне недолго осталось жить; Ещё раз на свободу пустите, Не мешайте страдать и любить.

Концевые строки контамината отредактированы в сравнении с первым вариантом: вместо «На кровать – я лебяжьей перину / И ковер с раздушистым цветком» – «На кровать дам лебяжьей перину / И ковёр из душистых цветов». Новая полная редакция народной песни по смыслу ближе к литературному тексту – устраняется любовный сюжет, но при этом резко смещаются акценты в сторону разработки темы обретения свободы и покоя после смерти. Во-первых, лирический хронотоп песни сосредоточивается на картине мечты умирающего узника, осуществленной в близком будущем: могила в родимых полях будет оплакана самим небом; в то же время семантика *пышного терема* возлюбленной в первом варианте оборачивается здесь метафорой «могилы-светлицы»: гроб – *золотая кровать*, застеленная *лебяжьей периной* – землей и покрытая *ковром душистых цветов*.

В отличие от рассмотренных вариантов с тенденцией к усложнению поэтической структуры авторского текста, другие варианты песни, записанные со слов неграмотных информантов, демонстрируют противоположную тенденцию к упрощению, примитивизации литературного текста. Так, вариант, записанный от Н. В. Силаевой (1933 г.р., неграмотная) в селе Васьково Промышленного района в 1985 г., отличается малым объемом текста (11 строк вместо 24 авторских) и резкой сменой эмоционального состава: вместо жалобы-мольбы узника – гневный упрек неизвестным

виновникам его тяжелой судьбы, за которым следует короткая просьба, составленная из нескольких реминисценций авторского текста:

Из-за вас, из-за вас я страдаю,
Из-за вас, из-за вас я иду,
Из-за вас я в могилу уйду.
Вы меня, вы меня хороните,
Где лежит моя родная мать,
Где поют перелетные птицы,
Там я буду спокойно лежать.

Любопытна радикальная трансформация лирического сюжета и образа героя, призванная заполнить зону семантической неопределенности в авторском тексте, связанную с биографией героя и его виной как причины заключения, в четвертом варианте, записанном от М. С. Мезенцевой (1916 г. р., необразованная) в городе Новокузнецке в 1995 г. Песня содержит два куплета: первый – авторский инвариантный зачин, второй представляет «чужой» текст – покаянную речь арестанта, – отсылающий к ряду разбойничьих народных песен:

Лежу я в больнице, болею,
Пулю вынули из груди.
Каждый знает меня на примете,
Что я налётчиком был на пути.

Мотивы укора узника в адрес виновников заключения, обращение к ним с мольбой похоронить его в родном краю и конкретизация образа заключенного в последних двух вариантах характерны для жанра тюремной песни. При этом в переделках сохраняется намек на авторский текст. Так, название *Умиравший* и упоминание о болезни («горлом кровь показала») трансформируется в болезнь заключенного от пули; а описание просторов, в которые стремится герой стихотворения («поют перелетные птицы», «шумит зеленеющий бор», «все растет под сиянием дня»), и воспоминание о песне «*родимой матери*» сужаются до пространства могилы.

Песенный потенциал стихотворения В. И. Немировича-Данченко подтверждает и факт практически дословного заимствования, встречающийся в другой сибирской тюремной песне, записанной в поселке Усть-Кабырза Таштагольского района в 1987 г.:

В голове моей мозги ссыхают,
Сердце кровью моё облилось,
За измену неверного друга
Пострадать мне навеки пришлось.
[...]
С гор вода покатится весной,
Хорошо на родимых полях.
Будет солнце сиять надо мною,
Пусть могила потонет в цветах.

При этом в народной песне описание могилы, помещенное у В. И. Немiroвича-Данченко в экспозиции, завершает сюжет о длительном и несправедливом заключении героя.

Таким образом, расширяющиеся горизонты модификации и реинтерпретации литературного текста в фольклорных вариантах представляют факт общенациональной культурной памяти, в котором отражается историческая динамика взаимодействия литературы, массовой культуры, фольклора, в целом сохраняющих и развивающих семантический потенциал наиболее устойчивых социально-нравственных концептов национального бытия.

Summary

VICTORIA TRUBITSYNA

HORIZONS OF A LITERARY TEXT INTERPRETATION IN THE FOLKLORE VERSIONS: DYING OF NEMIROVICH-DANCHENKO

This article defines the originality of the poem by Nemirovich-Danchenko *Dying* (1882) in the context of literary traditions of Russian gaol songs and poems about imprisonment. The directions of the reception and variation have been analyzed. The focus is also on the aesthetic principles and techniques of reproduction of a literary source in folk song culture in the Kemerovo region and its folklore.

Key words: Russian poetry, poems about imprisonment, folklore, folk gaol song.